

Сестры Бронте

СТИХОТВОРЕНИЯ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-5
С 33

POEMS
BY CURRER, ELLIS, AND ACTON BELL

Перевод с английского
Натали Бухтояровой, Александры Глебовской,
Екатерины Зудовой, Татьяны Ивановой-Шелингер,
Евгении Копенковой, Марии Максимовой, Софьи Микушиной,
Елены Рукомойниковой, Анны Скворцовой

Вступительная статья Александры Глебовской

Оформление обложки Ивана Лицука

Иллюстрации
Эдварда Коли Бёрн-Джонса, Джона Аткинсона Гримшоу,
Эвелин де Морган и других художников

Подбор иллюстраций
Людмилы Ворончихиной и Екатерины Мишиной

В оформлении использованы иллюстрации

© Shutterstock/fotodom/

- © Н. А. Бухтоярова, перевод, 2026
- © А. В. Глебовская, перевод, вступительная статья, 2026
- © Е. В. Зудова, перевод, 2026
- © Т. Н. Иванова-Шелингер, перевод, 2026
- © Е. С. Копенкова, перевод, 2026
- © М. Д. Максимова, перевод, 2026
- © С. В. Микушина, перевод, 2026
- © Е. Г. Рукомойникова, перевод, 2026
- © А. В. Скворцова, перевод, 2026
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-34045-9

ТРИ СЕСТРЫ И ОДНА КНИГА

В 1846 году в небольшом лондонском издательстве «Эйлотт и Джонс» вышла книга с незамысловатым названием «Стихотворения». На обложке стояли имена трех никому не известных авторов, по всей видимости родственников: Каррера, Эллиса и Эктона Беллов. Книгу ждала судьба, которая (давайте будем честны) ждет во всех странах и во все времена подавляющее число таких стихотворных сборников: продавалась она убийственно плохо, особых откликов не вызвала и, скорее всего, канула бы в небытие — если бы не одно обстоятельство.

В октябре 1847 года в издательстве «Смит, Элдер и компания» был опубликован роман, на обложке которого значилось: «Джейн Эйр. Автобиография. Под редакцией Каррера Белла». Книгу ждал мгновенный успех как у читателей, так и у большинства критиков. Образ главной героини, маленького человека большой внутренней силы, невероятная авторская способность вызывать читательскую эмпатию к далеко не самым однозначным персонажам, сюжет, переступающий тут и там из четко прописанной реальности в дымку романтического вымысла, — все это не утратило своей привлекательности и по сей день: «Джейн Эйр» заняла заслуженное место на полке мировой классики.

Это был не первый роман Каррера Белла. В 1846 году все трое братьев предложили издателям для публикации по роману. «Учитель» — Каррера. «Агнес Грей» — Эктона. «Грозовой перевал» — Эллиса. «Учитель» дожидался публикации много лет, а два других романа вышли в свет, как и «Джейн Эйр», в 1847 году, хотя и пользовались куда более скромным успехом.

Личность Каррера Белла особенно сильно занимала читающую публику, но интрига сохранялась довольно долго. Когда стало известно, что под псевдонимом Белл скрываются три дочери приходского священника из маленькой йоркширской деревни Хаурт, Шарлотта, Эмили и Энн Бронте, ни Эмили, ни Энн уже не было в живых. Эмили скончалась от туберкулеза в 1848-м, а Энн — в 1849 году. Шарлотта прожила дольше сестер, но и ее жизнь оказалась довольно короткой: она умерла в 1855-м в возрасте 38 лет.

Трагическая история семьи Бронте (отец сестер, Патрик, пережил всех: жену, пятерых дочерей и единственного сына) не затмевает, а может, и подчеркивает тот факт, что из одного захолустного пастората вышли сразу три неординарные писательницы, слава которых жива по сей день. Все три создали свои шедевры совсем молодыми. У каждой был свой уникальный голос, каждая нашла, что поведать миру и чем привлечь читателя. Феномен этот заслуживает объяснения, и здесь на помощь приходит томик стихов, который вы сейчас держите в руках.

«Внутреннюю» историю появления этого томика Шарлотта рассказывает в предисловии к изданию романов «Грозовой перевал» и «Агнес Грей» 1850 года:

«Однажды осенью 1845 года я неожиданно натолкнулась на толстую тетрадь, исписанную почерком моей сестры Эмили. Это были стихи. Разумеется, я не удивилась: мне было известно, что она умела их писать и писала. Я просмотрела тетрадь, и тут я ощутила нечто большее, чем удивление: уверенность, что это не просто словоизлияния, которыми обычно увлекаются женщины. Стихи Эмили мне показались крепкими и лаконичными, энергичными и искренними. Я услышала в них особую музыку — дикую, грустную и возвышающую. Сестра Эмили не любила открытых проявлений чувств. Она всегда была сдержанной и не позволяла даже самым близким без разрешения вторгаться в свою жизнь. Я потратила несколько часов, прежде чем заставила ее поверить в справедливость моего мнения об ее таланте, и несколько дней, чтобы убедить ее в том, что ее стихи заслуживают публикации. (...) В то же время моя младшая

сестра спокойно сочиняла что-то свое. Затем Энн обратилась ко мне с просьбой: раз уж Эмили доставила мне своими сочинениями такое удовольствие, то не взгляну ли я и на ее опусы. Разумеется, мое суждение весьма пристрастно, но мне показалось, что и в стихах Энн есть некое милое и искреннее чувство. Еще в ранние годы мы все лелеяли мечту сделаться писательницами. <...> Мы решили составить небольшой том избранных стихотворений и, если это окажется возможным, отдать его в печать. Питая антипатию к публичности, мы заменили свои имена на Каррер, Эллис и Эктон Беллы. Такой неоднозначный выбор был сделан не без сомнений: мы выбрали мужские имена, не желая открывать, что мы женщины»¹.

Здесь содержится важный ключ к пониманию того, откуда «росло» литературное творчество в семействе Бронте: да, безусловно, все сестры были от природы наделены писательским даром. Да, все они много читали и прекрасно знали современную им словесность, — впрочем, в образованных кругах того времени это было скорее правилом, чем исключением. Но, кроме того, в их маленьком мирке — а они почти не покидали родного дома, пока жизнь не заставила уехать учительствовать в чужие семьи, — существовала неискоренимая потребность творить и делиться своим творчеством: работа со словом была неотъемлемой частью повседневной рутины, а разговоры о текстах — своих и чужих — удовольствием, потребностью и необходимостью.

Когда сестры были еще совсем юными, они вместе с братом Брэнвеллом создали целую фэнтези-вселенную — миры Англии и Гондала, со своей разработанной топографией, историей, персонажами. В этом полномасштабном, как бы мы его сегодня назвали, метатексте, собранном в тетрадки из разрозненных листков, есть и поэзия, и проза, и графика, а главное, та необычайная чуткость к форме и слову, которая отличает настоящую литературу от графомании. В нем есть та чарующая смесь вымысла и материальности, которая, проявляясь в совершенно разных формах, объединяет тексты всех сестер Бронте. Эти миры завораживают

¹ Цит. по: Гаскелл Э. Жизнь Шарлотты Бронте / Перевод А. Степанова. СПб.: Азбука, 2026. С. 318–319.

и затягивают, среди составляющих их произведений много не-ожиданно сильных и очень нестандартных поэтических вставок.

Так что публикация «Стихотворений» стала не только началом «взрослого» прозаического пути к читателю, но и итогом «юношеского» периода сотворения вымышленных миров. Но давайте посмотрим на текст пристальнее — чем интересны нам стихи трех Беллов, только тем, что это часть наследия трех знаменитых писательниц, или чем-то еще?

Сразу оговорюсь: это не великая поэзия, ставшая этапом, прорывом, шагом вперед для всей литературы. Многие стихотворения трех сестер — это ловкие вариации на самые расхожие поэтические темы. С точки зрения версификации они тоже более или менее стандартны. Что поражает — чистота ритма и слога и невероятная внятность сюжетов и образов, умение сказать именно то, что задумано. А еще стихи эти неизменно искренни: такие может написать только человек исключительной порядочности и нравственной чистоты.

Версификация лишена особых изысков, но все три сестры умеют создавать завораживающие ритмы, которые, по большому счету, появятся в поэзии только гораздо позднее:

Он появляется с западным ветром,
С яркими звездами, с сумраком светлым,
Ветер задумчив, а звездные тени
Полны желанных, манящих видений...
(Эмили)

Душа пробуждается, дух мой взлетает,
На крыльях могучих умчаться готов,
И бурю на водах и суше взметает
Свиристельное буйство свободных ветров.
(Энн)

Присядь — ни слова — не дыши,
Не шевелись: моей души
Так хрупок сладостный покой;
Мои тревоги успокой...
(Шарлотта)

Тематически стихи тоже достаточно стандартны, хотя читателя ждет множество интересных, порой неожиданных сюжетов (и здесь видно, откуда в романах Бронте умение сложить крепкий сюжет, подцепить читателя «на крючок» и держать его до самой развязки, сильной, внезапной и совершенно логичной); но в основном речь о духовном единении с природой, тоске по дому, верности долгу, таинстве жизни и смерти. Романтические чувства, которым самое место в юношеских стихах, представлены достаточно скупо, как скупо они были представлены в жизни сестер, одухотворенно-целомудренной и достаточно закрытой. У сборника, безусловно, есть общая тональность — и все же в нем отчетливо звучат три голоса, и личности каждой из трех сестер вырисовываются очень выпукло.

Старшая, Шарлотта, по сути, никогда уже не вернется к написанию стихов, хотя ей предстоит еще довольно длинный творческий путь — за «Джейн Эйр» последуют романы «Шерли», «Городок» и незавершенная «Эмма». Вставные стихи — длинные и очень ловкие — есть и в «Учителе», который поначалу отвергли все издательства. Но видимо, к Шарлотте постепенно придет осознание, что все, что она хочет сказать, можно сказать прозой.

Стихи Шарлотты — самые большие по объему и почти все «сюжетные». По сути, это рассказы с рифмой и размером. Порой (переводчик чувствует это очень хорошо) хочется попросить автора немножко «подсократиться». При этом поражают четкость, внятность, отточенность каждой формулировки, умение заставить работать каждую деталь. Шарлотта прекрасно держит интригу, не дает читателю расслабиться, виртуозно владеет ритмом как на уровне строки, так и на уровне всего текста — то, чем отличается и ее проза.

Шарлотта была самой деятельной и «практичной» из трех сестер и, по сути, инициатором всех их «внешних коммуникаций». Если бы не она, кто знает, может, все тексты сестер Бронте так и остались бы в ящике стола. Именно она, как уже говорилось, сумела при жизни добиться подлинного признания, войти

в литературные круги, оставшись при этом очень скромной, мучительно застенчивой дочерью сельского священника. Именно Шарлотта занималась творческим наследием сестер после их ранней кончины.

В стихах Шарлотты особенно сильно звучит стремление менять собственную судьбу, жить деятельной, полезной, осмысленной жизнью (чем, как мы знаем, занимаются и Джейн Эйр, и Люси Сноу). В стихотворении «Фрэнсис» после долгого описания тоски по покинувшему ее возлюбленному героиня вдруг резко меняет тональность:

Хочу я странствовать, трудиться,
Жить в мире дивном и большом.

В этом вся Шарлотта. Она вырвалась в этот мир — поехала учиться в Брюссель, где ее ждала непростая, но очень «человеческая» романтическая история, стала известным писателем (хотя о том, что Каррер Белл — женщина, широкая публика узнала далеко не сразу), приобрела литературные знакомства, вышла замуж. Стихи Шарлотты, даже самые «фантазийные» (например, «Лес»), поражают точностью деталей, весомостью материального, реалистического наполнения. Шарлотта — «рациональный» поэт, но в этой рациональности, как и в ее прозе, всегда есть место завуалированной мистической интриге, которая завораживает читателя.

Эмили, средняя сестра, стала автором самого необычайного и «драматичного» романа из всех. «Грозовой перевал» с его кипением страстей, по большей части довольно низменных, плохо вяжется с образом замкнутой, самоуглубленной девушки, настолько тесно связанной с суровой северной природой Йоркшира, что любой отъезд оттуда был для нее мучителен (тема эта часто звучит в ее стихах). Вот что пишет о ней Шарлотта:

«Моя сестра не была общительна по природе, а жизненные обстоятельства способствовали усилению ее склонности к одиночеству. Если не считать посещения церкви, а также прогу-

лок по холмам, она почти никогда не покидала родного дома. Она благожелательно относилась к нашим соседям, но при этом не стремилась к общению с ними и почти никогда, за редкими исключениями, не вступала в него. При этом она знала их образ жизни, язык, истории их семейств (...) Вследствие этого она отобрала из всех действительных фактов, имевших к ним отношение, только трагические и страшные черты, которые производят наибольшее впечатление и лучше остаются в памяти тех, кто слушает рассказы о секретах жизни этих грубых и неотесанных людей. Ее воображение было по своей природе скорее мрачным, чем солнечным, скорее мощным, чем игривым, и оно отыскивало в подобных чертах материал, из которого создавались такие образы, как Хитклиф, Эрншо, Кэтрин. Создавая эти характеры, она и сама не ведала, что творила. Если бы некто, услышав чтение романа в рукописи, испытал мучительный страх от встречи с натурами столь жестокими и непреклонными, с душами столь заблудшими и падшими, если бы он пожаловался на то, что не может заснуть ночью и лишился покоя днем из-за живо представленных страшных сцен, то Эллис Белл просто не понял бы, что все это значит, или заподозрил бы жалующегося в притворстве. Если бы Эмили осталась жива, ее ум вырос бы, как растут мощные деревья: ствол становится прямым, широким, а зрелые плоды обладают куда большей сладостью, напоенные солнечным светом»¹.

Из трех сестер Эмили была самым сильным поэтом. В ее текстах с особой силой звучат размышления еще совсем молодого, но очень духовно развитого человека о жизни и смерти, о добре и зле, о человеческом и религиозном долге. Обо всех этих вещах — достаточно в поэзии расхожих — она говорит искренне и убедительно, находя для них точную и изящную форму. Все нравственные смыслы, «взорванные» в «Грозовом перевале», в стихах встают на свое место — и мы понимаем, что «Грозовой перевал» написан не в тон, а вопреки внутренним убеждениям автора. В отличие от Шарлотты, перелагавшей прозу в стихи,

¹ Цит. по: Гаскелл Э. Жизнь Шарлотты Бронте / Перевод А. Степанова. СПб.: Азбука, 2026. С. 378–379.

Эмили использовала всю силу поэтического слова, чтобы сказать именно то, что она хотела сказать.

И некоторые ее строки, печальные и проникновенные, завораживают так, что даже современному искушенному читателю трудно не поддаться их очарованию:

Не стану плакать о твоём уходе:
И здесь не благодать,
И в мире горнем, вопреки природе,
Душе твоей страдать...

Эмили умерла первой — и умирала мучительнее других. Туберкулез был тогда неизлечим, но существовали способы поддерживать ослабленный организм и уменьшить страдания, а Эмили до последнего отказывалась от лечения и врача, до последнего уверяла близких, что все хорошо и она справится. Ее внутренняя сила оказалась почти неизбывной, но очень хочется думать, что вера в грядущее воздаяние, которая так отчетливо звучит в ее стихах, стала ей твердой опорой на последнем этапе ее короткого и тернистого земного пути.

Часть ее обширного поэтического наследия Шарлотта опубликовала уже после смерти сестры как «Посмертные стихотворения». Эмили, безусловно, была не только самым ярким, но и самым плодовитым поэтом в семье.

Младшей сестре, Энн, суждено было остаться в тени и как поэту, и как писателю. Она успела написать два романа: «Агнес Грей», о хорошо ей знакомой нелегкой доле гувернантки, и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла», о женщине, которая бросает вызов судьбе, бежит от мужа, алкоголика и тирана, пытается вопреки законам и представлениям тогдашнего английского общества жить самостоятельной жизнью. И эта тема, к сожалению, была Энн прекрасно знакома в связи с тяжелой судьбой и нелегким характером ее единственного брата Брэнвелла. Роман Энн Бронте, в котором женщина смеет взбунтоваться против того, что ей предначертано, до сих пор иногда называют первым феминистским романом в истории. И после выхода в свет он был воспринят с огромным интересом.

Энн умерла вскоре после Эмили — смерть старшей сестры окончательно подорвала ее и без того хрупкое здоровье, и обе они едва успели дожидаться публикации своих книг.

А дальше — Шарлотта запретила переиздание «Незнакомки», хотя издатели об этом и просили. Видимо, слишком выпуклыми оказались некоторые действительно неприглядные подробности их семейной истории (вряд ли Шарлотту смущало бунтарство — ведь Джейн Эйр тоже бунтует). Как бы то ни было, Энн почти исчезла из истории литературы и, по сути, вернулась в нее полноправно только в XX веке.

В 1920 году был опубликован отдельный томик ее стихов — произведения Эктона Белла и то, что нашлось в архивах. Скажем так, Энн, более сестер склонная к умозрительности и морализаторству, — самый «обыкновенный» из трех поэтов. В стихах она шла по проторенным дорожкам, да и проза ее, бунтарская по содержанию, очень традиционна по форме.

Но ценность ее стихов, в частности, в том, что в них отчетливо прорисовывается не поэт, но человек — безупречно порядочный, твердый в своих духовных убеждениях, чуткий к чужой боли. В стихах Энн действительно много нравоучений, но нет ни грана ханжества, есть лишь стремление сделать мир лучше.

Вот что про нее писала Шарлотта:

«Энн хотела быть честной, она запрещала себе что-либо приукрашивать, смягчать или скрывать. Эти добрые намерения приводили к недопониманию и даже неприятностям, которые она переносила, как всегда, со сдержанным, но непоколебимым терпением. Она была искренне верующей и деятельной христианкой, но оттенок религиозной меланхолии придал печальный колорит ее короткой и безупречной жизни»¹.

Энн, считавшаяся в семье хрупкой, нежной и кроткой, обладала непоколебимым нравственным фундаментом, на котором и зиждется ее поэзия.

¹ Цит. по: Гаскелл Э. Жизнь Шарлотты Бронте / Перевод А. Степанова. СПб.: Азбука, 2026. С. 394.

Необходимо добавить еще одну вещь, из этого сборника самоочевидную: сестер Бронте связывала искренняя, беззаветная, бескорыстная любовь. Между ними не существовало ни соперничества, ни обид, ни зависти, столь частых в многодетных семьях, особенно там, где дети, уже повзрослев, вынуждены жить под одной крышей и делить житейские невзгоды. Привязанность к сестрам, забота о них, трепетная тревога за их благополучие — все это постоянно звучит в письмах Шарлотты. Уход Эмили и Энн она переживала внешне сдержанно, но тем глубже оказалась душевная рана.

В прозе сестер Бронте описаны самые разные семейные отношения, иногда достаточно неприглядные, а вот в стихах они часто обращаются к теме братских и сестринских уз. Сам этот сборник, где три отдельных голоса звучат, сливаясь в стройное многоголосье, — дополнительное тому подтверждение. Стихи написаны в едином душевном регистре, а такое возможно, только если единый душевный регистр существует и в жизни. Ни Эмили, ни Энн не создали своих семей, Шарлотта прожила в (позднем) браке всего девять месяцев, но сестры явно не были обделены гармонией семейной близости и родства душ.

Я надеюсь, что современному читателю их стихи послужат не только дополнением к текстам романов, которые — тут не поспоришь — прошли все мыслимые испытания временем (а есть ли другие примеры того, чтобы сразу три сестры — три писательницы — остались в истории литературы?). Не будем рассматривать творчество юных Каррера, Эллиса и Эктона Беллов как приложение к чему-то. Оно самодостаточно. Перед нами настоящие, мастерски написанные и полные искреннего чувства стихи — и это самое главное.

Нельзя не сказать несколько слов и о том, как делался перевод.

Когда издательство «Азбука» обратилось ко мне с предложением перевести стихи сестер Бронте, я поняла, что будет замечательно, если в переводах зазвучат новые голоса. И собрала команду переводчиков, в которых верила, потому что сама же их учила.

Основу «рабочей группы» составили мои ученицы с платформы «Protranslation» — люди, обладающие и талантом, и навыками, и трудолюбием, им нужно было только сказать: «Смелее! Вперед!» К нам присоединились совсем юные переводчицы, мои студентки, и работы двух из них попали в этот сборник. У остальных все впереди.

В подобной коллективной работе главное — единство видения, единомыслие, и оно у нас, безусловно, сложилось. Моим учителем в поэтическом переводе была Эльга Львовна Линецкая, ее принципы, подходы, ее чуткость, тонкость и точность я теперь стараюсь передавать и другим.

В нашей команде есть люди, которых мне, по сути, нечему было учить. Наталья Бухтоярова, начавшая публиковаться совсем недавно, активно размещает свои прекрасные переводы в Сети, и это тот случай, когда бог перевода погладил человека по головке — у нее безупречный слух, ловкая рука и колоссальная производительность. Очень талантлива и присоединившаяся к нам «на этапе Шарлотты» Мария Максимова. Екатерина Зудова, Татьяна Иванова-Шелингер, Евгения Копенкова, Софья Микушина, Елена Рукомойникова, Анна Скворцова пришли в поэтический перевод и наверняка там останутся.

Я бесконечно благодарна моей команде за упорство, терпение, поэтический талант и искреннюю любовь к сестрам Бронте. Надеюсь, вы оцените наши усилия.

И хочется верить, что эта книга станет для нас не последней.

Александра Глебовская

СТИХОТВОРЕНИЯ

Каррер Белл
СОН ПИЛАТОВОЙ ЖЕНЫ

Погасла лампа, падая, — ее
Задела я во сне, и в тот же миг
Удар мое нарушил забытье,
И на стене растаял светлый блик,
А в изголовье вспыхнул свет иной —
Дрожащий, странный, словно неземной.

Исчез... Лишь тьма кромешная кругом;
Как ночь длинна! когда же луч зари
Развеет смертный мрак своим крылом,
Теплом наполнит воздух изнутри?
Смогу ль уснуть, пока не расцвела
Над горным кряжем алая стрела?

Позвать служанок? Нет, их сон прервать,
Коль прерван мой, жестоко. Целый день
Они трудились, их награда — спать,
Желанна им ночной прохлады тень;

Безропотно снесу я ночь без сна —
Лишь мне одной принадлежит она.

О свет, явись! Один твой луч живой
И ум, и сердце сможет усмирить;
Взгляну в окно, на небосвод ночной:
Трепещет звездных бус тугая нить,
И странный танец этот не сравним
С незримым страхом, с ужасом немым.

От запада к востоку тьма легла.
Там — Иерусалим. Горят огни,
И факелы чадят, дымит смола,
И пляшут отблески в густой тени,
Сверкают копья; в вязкой тишине
Какой-то звук сквозь мрак летит ко мне.

Стук топора, удары молотка
Разносятся по улицам пустым;
Вдруг призраком в ночные облака
Взметнулась тень над городом святым
И замерла в безжалостной ночи,
Как пламя циклопической свечи.

Я знаю все, чему названья нет:
И на Голгофе крест, и римский суд.
Чуть тронет небо золотом рассвет,
Пилата иудеи призовут,
Чтоб вынес приговор: «Распни! Распни!» —
И повлекут Христа на смерть они.

Виденье было мне. Правдивы сны!
Я избрана богами и судьбой,

Чтоб мир избавить от глухой вины,
Ошибку искупить — своей душой.
Я помню этот сон: Христос распят,
И мукам обречен навек Пилат.

Не жаль мне мужа; как жалеть того,
Чей взор неумолим, чье сердце — лед,
И никому не растопить его;
Того, кто, словно глину, судьбы мнет,
Чей кровью жертв испятнан белый плащ,
Кто не судья, а мерзостный палач?

Какая пытка — рядом с ним стоять,
В лицо глядеть со страхом вновь и вновь,
В чертах жестоких снова узнавать
Три грешных страсти: деньги, власть и кровь;
Он — римлян жалкий раб, пустой сосуд,
Он — иудеев бесполезный кнут.

Любить его, печалиться о нем?..
Я с ним разжать не смела слабых рук,
Я с ним забыла юность, радость, дом;
Он сделал жизнь мою чредою мук,
Похитил сон, лишил надежд и сил,
Забрал свободу, разум сокрушил.

И в этот час — хоть я его жена —
К нему приязни меньше, чем к врагу,
Испытываю я; как холодна
Моя душа! Себе давно не лгу:
Его насквозь я вижу естество,
Противен мне один лишь вид его!

Сестры Бронте

С 33 Стихотворения / Сестры Бронте: Шарлотта Бронте, Эмили Бронте, Энн Бронте ; пер. с англ. Н. Бухтояровой, А. Глебовской, Е. Зудовой и др. ; вступ. ст. А. Глебовской. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 272 с. : ил.

ISBN 978-5-389-34045-9

В 1846 году в небольшом лондонском издательстве вышла книга под названием «Стихотворения». На обложке стояли имена трех авторов — по всей видимости, родственников: Каррера, Эллиса и Эктона Беллов. Читающая публика не знала, что за мужскими именами скрывались дочери сельского священника Шарлотта, Эмили и Энн Бронте — будущие знаменитые писательницы, чей талант был вдохновлен вересковыми пустошами Йоркшира. Каждой из них судьба отмерила слишком мало времени, но каждая успела оставить свой след в истории литературы: «Джейн Эйр», «Грозовой перевал» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» — эти романы до сих пор пользуются большим успехом у читателей.

Поэтический сборник «Стихотворения» — самое начало творческого пути Шарлотты, Эмили и Энн Бронте. Их юные чистые голоса звучат здесь, дополняя друг друга, и все-таки уже каждый по-своему. И если написанные сестрами романы в России известны в разных переводах, то сборник стихотворений впервые полностью переведен на русский язык. В настоящем издании сохранен порядок публикации текстов и указаны псевдонимы, которые выбрали дебютантки. Книга проиллюстрирована работами известных художников — Эдварда Коли Бёрн-Джонса, Джона Аткинсона Гримшоу, Эвелин де Морган и других.

УДК 821.111

ББК 84(4Бел)-5

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

СЕСТРЫ БРОНТЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Людмила Ворончихина
Художественный редактор Иван Лицук
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Екатерины Мишиной
Корректоры Татьяна Бородулина, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.08.2026.
Формат издания 72 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 20,4. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®.	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-BHK-43458-01-R